

Ю.В. Лиморенко

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Особенности жанровой классификации сказочной прозы в фольклоре народов Сибири

Аннотация: В статье рассматривается специфика жанровой классификации повествовательного сказочного фольклора сибирских народов. Анализируются трудности жанрового определения этиологических мифов, легенд, генеалогических повествований, рассказов о шаманах и сверхъестественных существах, топонимических рассказов.

The paper examines the specificity of the genre classification of the narrative non-folktale stories of the Siberian peoples. Analyzed are the difficulties in distinguishing the genres of aetiological myths, legends, genealogic stories, narrations about shamans and supernatural beings, toponymic stories.

Ключевые слова: фольклор народов Сибири, фольклорные жанры, сказочная проза, мифы, легенды, предания.

Folklore of the peoples of Siberia, folk genres, non-folktale prose, myths, legends, traditional stories.

УДК: 398

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор фольклора народов Сибири. Тел. (383) 3301452. E-mail: limorenko@ngs.ru.

Двухязычная академическая серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», тома которой готовятся в Институте филологии СО РАН (г. Новосибирск) с середины 80-х годов прошлого века, – крупнейший научный проект по изданию лучших образцов фольклора коренных и переселенческих этносов Сибири. В томах Серии фольклорные тексты сопровождаются полным научным описанием и подробными комментариями, раскрывающими все аспекты фольклорного памятника: языковые, этнографические, текстологические, музыкальные, ритуальные. Одним из важнейших компонентов системного научного описания фольклорного текста является определение его жанровой природы. Настоящая статья описывает некоторые характерные трудности, связанные с решением этой проблемы для сибирского материала; знание этих особенностей в перспективе позволит построить универсальную классификацию жанров повествовательного фольклора.

К настоящему времени в Серии опубликованы три тома, полностью посвященных сказочной прозе: это «Предания, легенды и мифы саха (якутов)» (1995), «Мифы, легенды, предания тувинцев» (2010) и «Сказочная проза алтайцев» (2011). Том «Мифы, сказки и предания манси (вогулов)» (2005) посвящен прозаическим жанрам мансийского фольклора и также содержит образцы сказочной прозы. Кроме этого, издано несколько фольклорных однотомников, в которых представлены все основные жанры устной поэзии этих народов: «Фольклор долган» (2000), «Фольклор ненцев» (2001), «Фольклор юкагиров» (2005), «Фольклор шорцев» (2010). Во всех этих изданиях опубликованы тексты, относящиеся к жанрам сказочной прозы. Идет подготовка к изданию еще не-

скольких томов несказочной прозы: «Мифы, легенды и предания хакасов», «Мифы, легенды и предания эвенков», «Мифы, легенды и предания эвенгов» и ряд других. Систематизация принципов жанровой классификации мифов, легенд и преданий будет востребована при работе над этими и последующими томами. Для поддержания высокого научного уровня Серии нужно опираться на четкие принципы жанровой классификации несказочной прозы. Следование чисто тематическому принципу, во-первых, также не всегда позволяет четко разграничить жанры, во-вторых, не способствует научному описанию жанровых характеристик изучаемых текстов. Обилие материала, изданного в томах Серии, дает нам возможность проследить принципы жанровой классификации несказочной прозы сибирских этносов и предложить подходы к такой классификации, необходимой для работы над будущими томами.

За годы подготовки изданий Серии стала очевидной главная проблема жанрового разделения несказочной прозы сибирских народов. Нередко бывает чрезвычайно трудно провести границу между мифами и легендами, между легендами и преданиями, а также между сказками и несказочными повествовательными текстами. Попытка применить формальные критерии чаще всего не дает однозначных результатов. Для носителей фольклора понятия чистоты жанра не существует, и в процессе исполнения текста рассказчик может соединять в нем множество тем, мотивов, художественных приемов, свойственным разным жанрам или универсальных для всей фольклорной системы. В результате ряд одинаковых формальных признаков оказывается присущим совершенно разнородным текстам.

Напомним существовавшие до сих пор и реализованные в различных изданиях фольклора принципы жанровой классификации текстов несказочной прозы. Самое общее разделение их на *мифы, легенды и предания* (с которым не согласны многие фольклористы) уже неудовлетворительно: не все исследователи признают существование мифов у народов, не имеющих классических мифологических систем (как у шумеров, египтян, греков, китайцев и некоторых других народов). Не касаясь здесь вопроса о правомерности такого вывода, обратим только внимание на то, что всё доступное нам через письменные источники фольклорное (собственно, палеофольклорное) наследие классических древних цивилизаций воспринимается только как мифологическое. В сводах греческих, китайских или египетских мифов нельзя выделить легендарный слой, а тем более слой исторических преданий – они просто не сохранились, потому что не были зафиксированы из-за специфики бытования. Тексты и сюжеты, не востребованные в культовых целях или не вошедшие в сюжетный фонд архаической литературы, просто не были записаны. Этот факт наводит на мысль, что аналогии с классическими мифологическими системами непродуктивны, когда речь идет о фольклорном наследии живых культур, доступных непосредственному изучению.

Названное выше разделение на мифы, легенды и предания основано на принципе наличия / отсутствия у текстов признака сакральности. Мифы принадлежат наиболее широкой, общенародной сакральной сфере; легенды связаны с неканоническими (или локальными) культурами и низшей мифологией, поэтому значительно выходят за рамки этой сферы; предания чаще всего вообще не имеют признака сакральности, кроме случаев, когда их сюжеты касаются сакральных субъектов или объектов. Таковы, например, предания о первопредках родов, главные персонажи которых – покровители рода – являются объектами культа, но повествования о них непосредственно с культом не связаны.

Однако при дальнейшей классификации выделенных групп текстов принцип наличия / отсутствия сакрального элемента нарушается и дальше разделение идет по чисто тематическим признакам. Так, среди мифов традиционно выделяются астральные (мифы о светилах, планетах, звездах), этиологические (о происхождении тех или иных черт и признаков животных, растений, явлений природы), «культурные» (о появлении у людей культурных объектов, в первую очередь огня

и жилища), мифы о первотворении (во многом пересекающиеся по содержанию и функциям с этиологическими), эсхатологические мифы (свойственные далеко не всем традициям), в отдельных традициях возможны и другие группы. Если применить к названным подразделам мифов принцип «сакральное / профанное», можно увидеть, что степень проявления этого признака чрезвычайно различна и сильно зависит как от тематики повествований, так и от их функций и от особенной конкретных традиций.

В отношении группы легенд и преданий положение еще более запутано: не все исследователи признают правомерность использования самих терминов «легенда» и «предание», практически все школы расходятся в понимании этих терминов, а внутри этих больших групп повествований подгруппы если и выделяются, то также только по тематическому признаку, не всегда применяемому одинаково последовательно. Предания делят на исторические (т. е. об исторических личностях), топонимические (о происхождении названий географических объектов), генеалогические (о происхождении родов), легенды – на шаманские и все остальные, поскольку никакого другого признака классификации к такому разнородному материалу применить не удастся.

В связи с практической эдиционной необходимостью вопрос жанровой классификации несказочной прозы был поставлен Е.Н. Кузьминой в выступлении на конференции «Актуальные проблемы сибирской фольклористики», ею же предложен тематический подход такой классификации [Кузьмина, 2008]. Опираясь на этот подход, мы попытаемся описать конкретные проблемы разграничения жанров на сибирском материале.

Е.Н. Кузьмина предлагает выделить несколько типов текстов по тематике [Кузьмина, 2008, с. 70–71]:

- *этиологические нарративы* – о мироустройстве, о появлении людей, животных растений, о происхождении их свойств;
- *мифологические нарративы* – «о необычных явлениях, встречах с необъяснимым и т.д.»;
- *легендарные нарративы* – о шаманах и их чудесах, а также на сюжеты заимствованные из христианской и буддийской религиозной традиции;
- *исторические нарративы* – тексты, которые принято называть преданиями;
- *амфотерные нарративы* – «повествования, которые объединяют в себе художественные признаки и мифов, и легенд, и преданий».

Важное достоинство этой классификации в том, что она учитывает характерное свойство фольклорной прозы – совмещение мотивов и художественных черт, свойственных разным жанрам, в одном тексте. Однако легко увидеть, что «жанрово чистых» текстов в имеющемся материале сравнительно мало. Природа фольклорного текста, который не существует в фиксированном виде и создается заново по известному шаблону при каждом исполнении, обуславливает легкую изменчивость его структуры, тематики, сюжетного и мотивного состава. Возможна ситуация, когда два текста на одну тему, отличающиеся лишь в отдельных мотивах, будут отнесены к разным типам нарратива. Таким образом, очень большой процент текстов несказочной прозы окажется в группе амфотерных нарративов, и внутри нее классифицировать их будет очень сложно.

Опираясь на предложенный Е.Н. Кузьминой тематический принцип, мы предлагаем рассматривать систему жанров несказочной прозы не как облако, а как прямую, направленную от мифологического способа представления реальности к историческому. На разных концах этой прямой находятся наиболее «чистые» представители жанров: с одной стороны – те мифы, жанровая природа которых не вызывает сомнений, с другой – исторические предания, которые также не оставляют разночтений в отношении своей жанровой принадлежности. Между

ними располагаются тексты, которым в разной степени присущи признаки мифологической, легендарной прозы и преданий. К тому же эта «жанровая прямая» не изолирована от других жанров фольклора, поэтому в несказочную прозу легко проникают элементы других повествовательных жанров: сказки, в меньшей степени – героического эпоса. Это также затрудняет однозначную классификацию.

Практический опыт подготовки фольклорных текстов для издания в Серии показывает, что есть несколько наиболее сложных случаев определения жанровой природы текста, где провести границу между жанрами можно лишь условно.

I. Многочисленные пересечения этиологических мифов и сказок о животных: по сути, разграничение этих поджанров искусственно. На это обращает внимание Н.А. Алексеев, замечая, что проведение четкой границы «сказка – миф» здесь невозможно. Считается, что носители фольклора имеют представление о том, что сказка – это вымысел, в то время как миф воспринимается как рассказ о событии, реально произошедшем в мифологическое время. В этиологических рассказах установка исполнителя на вымысел отсутствует или выражена очень слабо [Алексеев, 2008, с. 17]. Остается открытым вопрос о том, трансформируется ли этиологический миф в сказку, как это, согласно В.Я. Проппу [Пропп], происходит со сказкой волшебной. В практике издания Серии этиологические тексты на общие или сходные сюжеты в разных традициях относятся то к сказкам, то к мифам в зависимости от «жанрового контекста», в который их помещают исследователи. Например, этиологический рассказ о медведе и бурундуке¹ относят то к сказкам о животных (см., напр.: [Мифы, сказки, предания манси (вогулов), 2005, с. 282–285]), то к этиологическим мифам (см.: [Несказочная проза алтайцев, 2001, с. 160–163]), а текст о Христе и рябчике – к легендам, причем по формальному основанию (в тексте действует персонаж христианского Писания); однако в случае, если в сюжете о рябчике вместо Христа действует сибирское божество (напр., Дьайачи, см.: [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 162–163]), то текст может быть отнесен и к мифам.

Надо заметить, что с точки зрения носителей фольклорной традиции здесь нет никакого противоречия: они понимают, что природа всех этих текстов одна. Попытка отнести их к разным жанрам по формальному признаку может привести к умножению сущностей. Этот жанр можно обозначить просто как **этиологические рассказы о животных / птицах**, в соответствии с классификацией Е.Н. Кузьминой. Тема их – объяснение появления у животных тех или иных отличительных признаков в их облике, свойствах и поведенческих особенностях. Композиция таких рассказов достаточно устойчива: 1) такой-то зверь выглядел так-то (или был таким-то), 2) в результате его действий или произошедшего с ним события он так-то изменился. Степень чудесности произошедшего с животным события может варьироваться. Оно может быть результатом вмешательства божества (*кудай* в облике медведя осудил бурундука, см.: [Несказочная проза алтайцев, 2010, с. 160–163]) или следствием действий других животных и человека (медведь может являться не воплощением божества, а обыкновенным зверем). В первом случае такой тип нарратива ближе к мифу, во втором – к волшебной сказке. Исходя из этого, у нас нет необходимости определять тексты такого рода ни как сказки, ни как мифы. Кроме тематического принципа, здесь важен и функциональный: этиологический рассказ предназначен для объяснения происхождения тех или иных явлений действительности, «вписывая» их в контекст представлений об окружающем мире.

Однако этиологическую функцию могут иметь не только рассказы о животных и птицах (т. е. этиологические «сказки» в узком смысле). Например, рассказы

¹ Сюжет этиологического рассказа таков: полоски на спине бурундука – это след медвежьих когтей, которыми медведь поцарапал грызуна за его недостойное поведение или погладил, хваля за добрый поступок.

о происхождении реки Кум-Суу, о том, как появился шорский народ, или о появлении огня [Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010, с.80–83; 96–99; 104–109], – также этиологические¹. Эту группу повествований нельзя упускать из виду, говоря об этиологической сказочной / несказочной прозе. По формальному критерию, не учитывающему функцию текста, подобные рассказы невозможно с достаточным основанием отнести ни к мифам, ни к преданиям, вообще ни к одной из жанровых разновидностей народной прозы. В наших предыдущих статьях, посвященных несказочной прозе сибирских народов, мы, не решая вопроса об их жанровой природе, объединяли все подобные тексты в группу «мифологических рассказов». Очевидно, что для фольклористического анализа на уровнях более глубоких, чем тематика, такая классификация недостаточна.

II. Следующей важной проблемой является **выделение в сибирском фольклоре жанра легенд**. Ряд исследователей склонны считать, что этот жанр в фольклоре сибирских этносов вообще не представлен, за исключением легенд славянских переселенцев, представляющих собой народную обработку библейских и евангельских сюжетов; такое понимание жанра легенд принято в русской фольклористике, см., напр.: [Кузнецова, 1998, с. 5–28]. Принадлежность текста к жанру легенд предлагается основывать на том, что в текст включаются мотивы и сюжеты из мифологии мировых религий. По мнению других, легендами в фольклоре сибирских народов следует считать все тексты, в которых фигурируют шаманские верования, элементы шаманского культа и т.д. [Алексеев, 2008, с. 13]. Нужно заметить, что в основу этого жанрового определения снова положен только тематический принцип.

Особенно заметно в фольклоре коренных сибирских народов влияние христианства и буддизма. Не все религиозные сюжеты проникали в инокультурную среду одинаково активно. Так, у алтайцев зафиксирован сюжет о создании Кудаем (творцом) двух людей, мужчины и женщины, и о том, как они нарушили повеление Кудая есть плоды с запретного дерева [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 48–67, 66–79]. За это Кудай, как и бог в Библии, лишает их райского состояния (т. е. жизни без забот о пропитании). Но в сибирских текстах нет мотива изгнания людей из рая, как нет и самого рая: все описанное происходит с людьми на земле, где они и были сотворены. В роли искусителя в алтайском сюжете выступает сотворец и (впоследствии) противник Кудая – Эрлик, принявший облик змея. Показательно, что развитие сюжета в алтайском мифе не заканчивается гневом Кудая на людей. Он не лишает людей своей милости и создает божеств-защитников, которые должны охранять, учить и наставлять людей, помогая им выжить на земле. Эти защитники: Май-Тере, Мангды-Шире – выступают в роли культурных героев и божеств-победителей темных сил. При этом в миф на христианский сюжет органично входят персонажи с именами из буддийской традиции: имя Май-Тере этимологизируется как Майтрейя – будда будущего мирового порядка, а имя Мангды-Шире – как Манджушри, бодхисаттва-наставник будд прошлого [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 405; Мифы народов мира, 1988, с. 89]. Как видим, в одном тексте сплавлены христианские и буддийские мотивы, а также древний общесибирский (и не только сибирский) мотив добывания земли со дна моря². Тема этого текста – сотворение мира и человека – типична для мифа. Одно-

¹ Ряд исследователей считает рассказы о появлении предметов культуры разновидностью мифов о культурных героях [Мифы народов мира, 1988, с. 26], однако функциональная общность их с рассказами о животных, птицах и других объектах мира природы не вызывает сомнений. Вряд ли миф о культурном герое впишется в любую подобную классификацию как отдельный жанр.

² Этот мотив не специфически сибирский, он имеет широчайшее распространение по всему миру, см.: [Берёзкин], мотив С6D Доставание земли.

значное отнесение его в разряд легенд снижает значимость мифологического компонента этого сложного текста.

По нашим наблюдениям, тексты на сходную тематику и с близкой композицией известны у ряда народов Сибири; так, очень близкие тексты о сотворении земли и человека зафиксированы у эвенов и эвенков [Фольклор эвенов Берёзовки, 2004]. В этих текстах не отразились буддийские мотивы, но мотив сотворения людей из глины оформлен точно так же. Даже если объяснять происхождение этого мотива влиянием христианства, следует признать, что он давно усвоен традицией и составляет ее неотъемлемую часть вместе с более древними и, вероятно, еще более общими мотивами ныряния за землей под воду, ссоры двух творцов¹, получения собакой шерсти и другими. Мотив сотворения человека выполняет в усвоивших его культурах ту же функцию, что и другие, более «родные» для них мифологемы: объясняет логику и законы возникновения и существования мира. Неочевидно и христианское происхождение мотива всемирного потопа² (нередко в варианте последовательных катастроф – потопа и пожара), общего для алтайцев, шорцев, других тюркских, а также тунгусо-маньчжурских народов Сибири. Этот мотив является мировой универсалией; в сибирских традициях он известен в разных вариантах, и не все из них можно возвести к библейскому. Вряд ли возможно однозначно утверждать, что тексты с подобными мотивами совершенно не имеют и не имели в прошлом функций мифа.

III. В повествовательном фольклоре сибирских народов большое место занимают **рассказы о встречах со сверхъестественными существами**. Особенно значительно количество текстов о встречах с духами-хозяевами, разного рода демоническими существами, записанных из первых или вторых рук – от непосредственных участников событий или от людей, которые знали участников лично. Велико искушение отнести эти тексты к жанру быличек, широко распространенному в русском фольклоре. В функционировании быличек и рассказов о сверхъестественном, бытующих в Сибири, в самом деле немало общего, но жанровые границы сибирского материала намного шире. В тематическую группу таких рассказов можно отнести не только рассказы о демонических существах (тув. *аза*, алт. *тургак*, эвенк. *харги* и др.), но и повествования о духах-хозяевах (*эе*, *эзе*, *иччи* и др.), нередко очень подробные и красочные, и рассказы о необычных явлениях природы, предположительно имеющих сверхъестественную сущность. К этой тематической группе примыкают рассказы о необычных людях со сверхъестественными способностями. В томе тувинской сказочной прозы есть тексты о выдающихся музыкантах, гадателях, атлетах – бегунах и борцах, о знаменитых кузнецах, о целителях [Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010, с. 180–207]; все эти люди воспринимаются как носители сверхчеловеческих возможностей. О необычных людях, умеющих обращаться с камнем-*дыада*, повествуют тексты, записанные у алтайцев (см., напр.: [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 176–177]); камень *дыада* – сам по себе сверхъестественный объект, но и люди, которые способны правильно обращаться с ним, также отмечены как избранные. С некоторой долей условности эти тексты можно считать переходным звеном от рассказов о сверхъестественном к рассказам о шаманах, а с другой стороны – к историческим преданиям о героях. Эту жанровую проблему тоже нельзя разрешить формальным подходом. По-видимому, следует говорить о соотношении исторических и легендарных элементов в каждой тематической группе текстов.

Сложность представляет определение жанровой принадлежности **рассказов о шаманах**. Они соединяют в себе установку на реальность описываемых собы-

¹ Также повсеместно распространенный мотив (см. [Берёзкин], мотив В1 Двое создателей).

² Этот мотив также известен во всех регионах мира: см. [Берёзкин], мотив С2 Потоп и пожар.

тий (в этом смысле многие подобные рассказы близки к меморатам), сверхъестественный компонент, а иногда и исторический элемент. С сюжетной точки зрения эти рассказы примыкают к рассказам о необычных людях, особенно в повествованиях о борьбе двух шаманов, шамана и ламы, шамана и священника. Соотношение фантастических и реалистических элементов в тексте может быть различным, что чаще всего и служит основанием для отнесения таких рассказов к легендам или к преданиям.

IV. Еще одна зыбкая жанровая граница проходит между легендами и **рассказами о происхождении родов**. Генеалогические повествования, особенно популярные у тюркских народов Сибири, соединяют в себе явную связь с реальностью и легендарный элемент. По наличию этого легендарного элемента они близки повествованиям о необычных людях или же этиологическим рассказам, а по связи с исторической действительностью – к историческим преданиям. Так, рассказ об орле – покровителе рода кангаласцев [Предания, легенды и мифы саха, 1995, с. 178–181] содержит фантастический элемент (орел убивает для родоначальника кангаласцев гуся, чтобы накормить его), как и аналогичный рассказ о покровителе-вороне [Там же, с. 184–187], а также несколько других текстов, построенных по этой общей схеме. Эти тексты наиболее просто систематизируются по тематическому признаку, но не могут быть механически включены ни в разряд преданий, ни в разряд мифов или рассказов о сверхъестественном.

V. Последняя сложная в жанровом отношении тематическая группа – это **рассказы о происхождении названий мест**. Среди записанных текстов «чистые» топонимические предания встречаются довольно редко – чаще сюжеты этих повествований сложны и могут включать этиологические, мифологические, исторические компоненты, а также мотивы встречи со сверхъестественным. Более часто встречается случай, когда топонимический мотив вкраплен в другой текст, чаще всего – в историческое предание о герое (как, напр., в предания об Амыр-Сана у алтайцев, тувинцев, шорцев), в рассказ о шамане или в повествование о встрече с духом-хозяином, иногда – в космогонический миф или миф о потопе. Самостоятельность текстов этой тематической группы условна: в процессе исполнения они легко могут входить в ткань другого текста, если между ними существует сюжетная связь. Напр., действие предания происходит в местности, о названии которой известен отдельный рассказ; естественно, что исполнитель, которому этот рассказ известен, вспоминает его и присоединяет к преданию как его составную часть.

Подводя итог, мы можем заключить, что проблема жанровой классификации несказочной прозы не может быть решена механическим применением какого-либо одного формального критерия из-за сложности самого классифицируемого материала. Наиболее плодотворным представляется поиск классифицирующих подходов с учетом критериев тяготения текста к одному из полюсов (мифологический – исторический) и роли сакрального и сверхъестественного в организации сюжета. Кроме того, жанровая классификация такого рода вряд ли может быть универсальной из-за громадных различий разных фольклорных традиций. Общие принципы классификации, которые могут быть предложены на основании изучения сколь угодно широкого материала, должны быть конкретизированы при исследовании фольклорного наследия того или иного народа в соответствии с его уникальностью и своеобразием.

Литература

Алексеев Н.А. Актуальные проблемы сибирской фольклористики / Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Мат-лы Всерос. науч. конф., 4–7 ноября 2008 г. (г. Новосибирск). Новосибирск, 2008. С. 6–21.

Берёзкин Ю.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [Электронный ре-

сурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>. Дата обращения: 20.02.2013.

Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998.

Кузьмина Е.Н. Несказочная проза народов Сибири: опыт подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» // Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Мат-лы Всерос. науч. конф., 4–7 ноября 2008 г. (г. Новосибирск). Новосибирск, 2008. С. 57–71.

Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. Новосибирск, 2010. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 28).

Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1987–1988.

Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е.И. Ромбандеева. Новосибирск, 2005. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 26).

Несказочная проза алтайцев / Сост. Н.Р. Ойроткинова, И.Б. Шинжин, К.В. Яданова, Е.Е. Ямаева. Новосибирск, 2011. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 30).

Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. Новосибирск, 1995. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/PROPP/morfologia.txt>. Дата обращения: 20.02.2013.

Фольклор эвенов Берёзовки / Сост. В.А. Роббек. Якутск, 2004.